

Евразийское пространство в китайских официальных и академических дискуссиях

И.Е. Денисов, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Настоящее исследование анализирует современные тенденции в китайских академических дискуссиях по вопросам Евразии, которые всё больше сосредоточены на переосмыслении пространственных аспектов китайской внешней политики. Анализируя широкий спектр мнений китайских учёных, статья выявляет сложности в формировании уникального китайского взгляда на евразийское пространство. Авторы опираются на ряд современных и активно цитируемых работ китайских исследователей, в которых Евразия рассматривается как самостоятельная тема. Отходя от более консервативного официального дискурса, который до сих пор ассоциирует Евразию преимущественно с постсоветским пространством, и не стремится активно выдвигать собственную евразийскую повестку, китайские учёные используют различные теоретические рамки для исследования Евразии, предлагают новые подходы и идеи для оценки истории региона и сегодняшней ситуации. Вопреки ожиданиям, инициатива «Один пояс, один путь» не привела к разработке официальной китайской концепции Евразии. Тем не менее интенсивные и разнонаправленные дискуссии в академической среде свидетельствуют о поиске новых путей взаимодействия в евразийском регионе, особенно в условиях усиливающейся глобальной неопределённости.

Ключевые слова: Китай, Евразия, внешняя политика КНР, пространственные концепты, евразийский порядок, евразийское пространство, академические дискуссии, «Один пояс, один путь», постсоветское пространство

Пространственный фактор является «точкой сборки» для разных идентичностей Китая в XXI в. – развивающаяся страна и часть глобального Юга, лидер инфраструктурных проектов на евразийском (евроазиатском) пространстве, промышленно развитая страна, равный партнёр в торговле и обмене технологиями со странами коллективного Запада, или, наоборот, страна, защищающая свою территорию от влияния западных ценностей, либо страна, дающая пример успешной «незападной» модели развития и т. д.

УДК: 327(510+4/5):32(510):316.77

Поступила в редакцию: 10.03.2024 г.

Принята к публикации: 15.06.2024 г.

В целом, пространственные концепты стали важной частью идеологии «китайской мечты» и «великого возрождения китайской нации». Заявления китайского руководства о приближении страны к центру мировой арены, хотя и звучат как общая политическая метафора, неизбежно связаны с вопросами практического характера. Как видят в Пекине своё место на мировой карте и не столько географической, сколько на карте распределения центров силы в мире? Как современная «Срединная империя» позиционирует себя по отношению к другим мировым игрокам? К какому макрорегиону относит себя Китай? Какие пространственные инструменты задействованы в инициативах «Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП)» и «Морской Шёлковый путь XXI в.», и действительно ли эти инициативы являются шагом к «евразийскому веку» Китая?

Растущее значение Евразии в мировой политике подчёркивается многими исследователями в КНР. Как отмечает профессор Шанхайского университета международных отношений Ян Чэн, сейчас наступает «момент Евразии», впервые в истории появилась возможность не рассматривать Евразию как отдельный коллективный символ, используемый внешними силами (Yang 2015). Однако с точки зрения практической политики «евразийский момент» пока существует лишь как очень общий идеал в построениях китайских аналитиков, в то время как конкретные черты желательного для Китая евразийского порядка, пути его построения или даже границы евразийского пространства являются предметом дискуссий.

Подходы Китая к макрорегиону стали предметом рассмотрения во многочисленных работах отечественных и зарубежных учёных, при этом бум академических публикаций произошёл после выдвижения Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), в которой многие увидели путь к установлению китайского евразийского порядка (Callahan 2016; Harper 2019). Предметом подробного анализа стали планы России и Китая по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП (Макаров, Соколова 2016; Бородачёв, Пятачкова 2018; Лукин 2020). Тем не менее, несмотря на успехи двух стран в экономическом сотрудничестве, их концептуальные подходы к Евразии существенно различаются (Novikov, Vocharova 2024).

Можно отметить, что ОПОП скорее стал зонтичной геоэкономической инициативой Пекина, чем концептуальной новацией, фундаментальным переосмыслением евразийского пространства. Китаю не удалось «изменить взаимосвязь между сушей и морем», заменив Тихий океан центральной ролью Евразии, как предсказывали некоторые исследователи (Baik 2019). Впрочем, такой цели Китай и не ставил, и глобальный разворот инициативы, которая очень быстро охватила не только АТР, но и Латинскую Америку и Африку, это только подтверждает.

В целом, важно понимать, что китайское видение Евразии является предметом дискуссий. Впрочем, это касается в целом определения параметров политики «возрождения китайской нации» в глобальном аспекте. Увеличение

материальной мощи Китая ведёт к тому, что дэнсяопиновский подход «скрывать свои возможности, держаться в тени» ставится под сомнение (Stevens 2014). Западные исследователи склонны акцентировать «агрессивность» и «напористость» Китая (Scobell, Harold 2013; Mastro 2014; Miura 2023), ожидая быстрое приведение концептуальных основ и его практической политики в соответствие с новыми (качественно иными, по сравнению со временем Дэн Сяопина) материальными возможностями. Видимо, западные эксперты в данном случае склонны подсознательно подходить к планам Пекина со своей меркой («как бы поступили мы на его месте»). На самом деле, несмотря на возросшую мощь, Китай лишь постепенно освобождается от ограничений дэнсяопиновского подхода «скрывать свои возможности, держаться в тени». В китайском руководстве постепенно складывается консенсус, что его политика не может не меняться, отражением этого становится новое понимание периода «стратегических возможностей» (Адамова, Денисов 2022). Однако вызревают эти изменения постепенно, они не являются механическим и немедленным приведением политики в соответствие с материальными возможностями (хотя «проба сил» Китаем случается в разных регионах мира).

Как справедливо отмечает И. Бусыгина с соавторами, несмотря на обширную литературу, освещающую разнообразные аспекты деятельности КНР в Евразии, до сих пор отсутствует комплексное исследование, которое бы полностью раскрывало китайскую стратегию лидерства в этом регионе (Бусыгина и др. 2020: 118). На наш взгляд, этот верный тезис требует уточнения. Указанный пробел в литературе связан с тем, что евразийская стратегия Китая все ещё находится в стадии разработки, её ключевые элементы и направления пока не определены окончательно. Текущее состояние китайских дискуссий — это постоянно меняющаяся и дополняющаяся мозаика, элементы которой ещё не сложились в окончательную картину и не всегда следуют официальной линии, более сдержанной и консервативной. Между тем систематизированный анализ конкретных примеров «отклонений» может выявить общие закономерности грядущей стратегии. Это то накопление аномалий, которое, согласно Т. Куну (1996), приводит к формированию новой парадигмы. В контексте предмета данной статьи даже кажущиеся незначительными элементы складывающегося «пазла» китайской стратегии в Евразии могут стать ключом к пониманию её будущего развития.

В качестве основного метода исследования выбран критический дискурс-анализ (КДА), разработанный Норманом Фэркло (Fairclough 2013). Этот подход помогает рассмотреть, каким образом язык и текст влияют на социальные и политические процессы, и как они отражают и формируют стратегические намерения Китая в отношении Евразии. КДА позволяет выявить скрытые политические установки и понять, как формируются и изменяются концепции в процессе академических и политических дискуссий.

КДА включает несколько ключевых этапов. Во-первых, мы анализируем дискурсивные практики, используемые в официальных и академических текстах. Это включает изучение частоты и контекста использования ключевых терминов, таких как «Евразия». Во-вторых, проводится лексико-грамматический анализ, чтобы выявить, как через язык конструируется определённая реальность. Наконец, результаты интерпретируются в контексте политических и идеологических целей, что позволяет выявить скрытые смыслы и властные отношения.

Исследование построено на контрасте – мы начинаем с официального дискурса, который не только достаточно консервативен, но и малоинформативен, и скорее «скрывает свои возможности», чем выдвигает новаторские геополитические концепции. Однако дальнейший анализ академических публикаций показывает, что текущий момент глобальных потрясений лишь актуализировал дискуссии о Евразии. Отходя от более консервативного официального взгляда, который до сих пор ассоциирует Евразию преимущественно с постсоветским пространством и не стремится активно выдвигать собственную евразийскую повестку, китайские учёные используют различные теоретические рамки для исследования Евразии, предлагают новые подходы и идеи для оценки истории региона и сегодняшней ситуации, и главное – будущего Китая на Евразийском континенте. Для анализа мы отобрали ряд современных и активно цитируемых работ китайских исследователей, в которых Евразия рассматривается как самостоятельная тема. Мы намеренно сохраняем мозаичный характер дискуссии, не ограничиваемся кратким пересказом статей, а стараемся воспроизвести искания китайских коллег в максимальной полноте, насколько это позволяют рамки академической статьи.

Почему «Пояс и путь» не стал основой для китайской концепции Евразии?

Выдвижение инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) означало новое качество внешней открытости и нарастающее желание Китая оказывать влияние на региональные и глобальные процессы, хотя ОПОП не следует рассматривать исключительно как китайский детальный план переустройства Евразии (или какого-то другого мегарегиона).

В официальных документах китайские власти сознательно задают очень широкие рамки интерпретации ОПОП, в том числе и географические. Для инициаторов это, разумеется, имеет положительные моменты: есть возможность гибко адаптировать инициативу к конкретным регионам и странам, при необходимости добавляя конкретику или отказываясь от уже взятых обязательств. Такой подход был бы нелогичным, если у Пекина изначально были бы чёткие проектные рамки – как по срокам и этапам, так и по содержательной стороне строительства «Пояса и пути».

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете в сентябре 2013 г.¹ было стартом инициативы строительства Экономического пояса Шёлкового пути. В речи несколько раз употреблялись слова «Евразия», «евразийский». Однако в контексте тогдашнего визита в Казахстан под этим подразумевался не Евроазиатский континент, а постсоветское пространство или даже политико-географическая совокупность Российской Федерации и Центральной Азии, то есть Евразия в «узком» понимании территориально-департаментального МИД КНР, который готовил визит председателя в Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Это ясно из следующего фрагмента: «В связи с динамичным развитием отношений Китая со странами Евразии за последние более чем 20 лет древний Шёлковый путь обрёл новую силу и новый облик. Взаимовыгодное сотрудничество Китая с евразийскими странами выходит на всё новую историческую высоту»². Здесь выражение «последние более чем 20 лет» несомненно означает постсоветский период. Далее в своём выступлении в Назарбаев-университете, говоря о необходимости развития многостороннего сотрудничества в регионе, Си Цзиньпин отметил, что «государства - члены и страны-наблюдатели ЕвразЭС и ШОС расположены на обширных территориях Евразии, Южной и Западной Азии». Перечисление через запятую Евразии наряду с двумя азиатскими субрегионами означает, что и в данном случае речь шла о территории бывшего Советского Союза, а китайская инициатива изначально не имела широких евразийских (евроазиатских) амбиций.

Уточнение концепции пришлось ждать довольно долго, и не только в плане определения географических границ «Пояса и Пути», но и в плане наполнения её конкретным содержанием. Лишь в марте 2015 г. миру был представлен первый концептуальный документ – «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI в.». «Совместное строительство “Одного пояса и одного пути” призвано объединить и связать Азию, Европу, Африку и омывающие их океаны, а также создать и укрепить партнёрские отношения между странами, находящимися вдоль “Одного пояса и одного пути”», – так в документе определяется главное содержание инициативы³. Географические рамки проекта обозначены предельно широко и размыто, поскольку сказано, что он охватывает не только первоначально обозначенный «узкий евразийский регион». При этом в документе перечислены три основных маршрута Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПП), сухопутной части инициативы «Пояса и Пути»:

¹ Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя. КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете. 2013. *Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан*. 16.09.2013 URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 01.03.2024).

² Там же.

³ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. 2015. *Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики*. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 01.03.2024).

1) из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); 2) из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу, Средиземному морю; 3) из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану.

Став новацией в китайской внешнеполитической стратегии, инициатива ЭПШП в то же время весьма осторожно формулировала суть участия Китая в развитии евразийского региона на многосторонней основе. Определённую роль в столь сдержанных формулировках сыграло и намерение с помощью публикации первого официального разъяснения инициативы 2013 г. собрать отклики представителей правительственных и экспертных кругов стран, расположенных по основным маршрутам ЭПШП, чтобы затем скорректировать планы и эффективно управлять возможными рисками.

Само понятие маршрутов в этом и последующих официальных документах является скорее некоей условностью, отсылающей к «бренду» Шёлкового пути, и в полном смысле эти маршруты не являются транспортно-логистическими путями, впрочем, как и сам проект не сводится только к инфраструктурной или транспортной составляющей. Не является инициатива и концепцией широкого пространственного развития в том смысле, что Китай не намерен распространять своё влияние «вширь», либо создавать некое «пространство развития» под своим лидерством.

Продвижение китайских интересов в Евразии по-прежнему строится преимущественно на двусторонней основе, то есть можно сказать является «точечным», а не сетевым и не пространственным. Даже провозглашая общность интересов ЕАЭС и ЭПШП и подтверждая возможность их согласования, китайские эксперты неизбежно обращают внимание на то, что в отличие от евразийской интеграционной инициативы (в китайском представлении — закрытой), инициатива Си Цзиньпина является открытой и инклюзивной.

Со временем «пространственная» составляющая ОПОП размывалась всё больше. Не успев стать евразийской инициативой, «Пояс и Путь» очень быстро превратилась в глобальный проект. Это стало ясным ещё в 2017 г. во время проведения I Форума международного сотрудничества в рамках инициативы. К Форуму был подготовлен позиционный политический документ «Совместное строительство “Одного пояса, одного пути”»: идея, практика и вклад Китая» (опубликован от имени Канцелярии руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути»)⁴. Анализ документа показывает, что китайское руководство стало отходить от «шёлковой символики» (а значит узкого регионального понимания инициативы). В частности,

⁴ Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. 2017. Портал «Один пояс, один путь». 26.05.2017. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

в документе отмечалось, что инициатива по совместному строительству «Одного пояса, одного пути» лишь использует историческую символику «древнего Шёлкового пути», но включает в себя содержание новой эпохи. Из этого содержания китайское руководство выделяет то, что на китайском политическом языке называется «китайским планом» (*Чжунго фан'ань*) – то есть китайскую повестку реформирования мировой экономической системы и системы глобального управления. Как отмечается в документе, это отражает ответственность Китая в качестве крупнейшей в мире развивающейся страны и второй экономики в мире по объёму ВВП, чьи усилия направлены на обеспечение равноправного, справедливого и рационального развития.

Не исключено, что такое глобальное позиционирование инициативы не будет окончательным, и на качелях «глобальный – региональный» баланс вновь сдвинется к более глубокой проработке евразийской повестки, к созданию вариантов регионального управления, скорее всего в партнёрстве с другими крупными и средними игроками. К этому Пекин могут подтолкнуть и нынешнее нарастание противоречий с США, и осознание китайской элитой затратности и уязвимости для Китая глобальных амбиций в условиях нынешней международной неопределённости.

Однако для создания «китайского плана» для Евразии недостаточно одной политической воли. Чтобы он эффективно работал, необходимо преодолеть фрагментацию и узость евразийской повестки при принятии решений в китайских государственных органах. Сейчас на официальном уровне эта повестка все ещё несёт черты 1990-х, когда в сознании китайского политического класса, трансформация Евразии стала прочно связываться с крахом СССР и образованием на постсоветском пространстве новых независимых государств. Кроме того, распад СССР произошёл в чувствительный период, когда Пекин был особенно уязвим – во время осложнения отношений с Западом, после событий на площади Тяньаньмэнь. Хотя ситуация с тех пор изменилась радикально, следы этой психологической травмы, когда китайское руководство столкнулось с хаотической, политически неопределённой ситуацией на своей самой протяжённой границе, чувствуется до сих пор.

Термин «Евразия» в официально-деловом обороте КНР

Любое государство при создании и модернизации структуры госаппарата исходит из определённого плана, который базируется как на выделении приоритетных внутривнутриполитических и внешнеполитических задач, так и на специфической для данного исторического этапа модели структурирования внутреннего и внешнего пространства. Наблюдение за организацией современного китайского госаппарата показывает, что сам термин «Евразия», а также Евразия как объект анализа и объект политики продолжают использоваться в качестве синонима политико-географического пространства, возникшего после распада

Советского Союза, а не в значении континента Евразии или цивилизационной общности Европы и Азии. На это, в частности, обращают внимание китайские исследователи Гуань Гуйхай и Дай Вэйцзин (2018). Наши наблюдения за функционированием партийного и государственного аппарата КНР подтверждают актуальность и устойчивость этой тенденции.

Шестое управление Отдела международных связей ЦК КПК отвечает за связи с политическими партиями Восточной Европы, Балтийского региона и Содружества Независимых Государств и аналитическую деятельность на этом направлении. При этом отдельно в структуре отдела выделены следующие управления, территориально относящиеся к Евразии в широком смысле слова: Первое управление (Южная Азия, Юго-Восточная Азия), Второе управление (Северо-Восточная Азия, Индокитайский регион); Третье управление (Западная Азия и Северная Африка). К Западной Азии в Китае традиционно относят Иран, Палестину, Сирию, Ирак, Иорданию, Израиль, Ливан, Йемен, Саудовскую Аравию, Объединённые Арабские Эмираты, Оман, Кувейт, Катар, Бахрейн, Турцию и Кипр; Четвёртое управление (Северная Америка, Океания, Северная Европа, Великобритания, Ирландия, Мальта). Восьмое управление (Западная Европа).

Данная структура не воспроизводится полностью в центральных правительственных органах КНР, однако общим остаётся как выделение постсоветского пространства в отдельный объект (иногда без Прибалтики), так и функциональное разграничение территории бывшего СССР и «остальной» Европы и Азии, в основе которого лежит признание определённой исторической общности региона и его сохраняющейся ориентации на Россию, а также учёт Китаем особых российских интересов на постсоветском пространстве.

После распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых государств в 1992 г. Департамент СССР и стран Восточной Европы Министерства иностранных дел КНР был переименован в Департамент Евразии (欧亚司 / *Оуясы*). Любопытно, что термин «Евразия» присутствует лишь в китайском названии этого территориального подразделения МИДа. Официальное название на английском языке – The Department of European-Central Asian Affairs, на русском – Департамент стран Европы и Центральной Азии, на французском – Département des Affaires d'Europe-Asie centrale. Круг «евразийских» стран (на китайском дипломатическом языке) сохраняется с 2004 г., когда восточноевропейские и прибалтийские государства были переданы в ведение Департамента стран Европы.

В настоящее время в сферу ответственности Департамента Евразии входят такие страны, имеющие дипломатические отношения с КНР, как Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан. Стоит отметить, что кавказский регион в целом относится к компетенции департамента, включая дипломатически не признанные Китаем Абхазию и Южную Осетию

В функционал Департамента Евразии входит и работа Китая в таких многосторонних структурах, как Шанхайская организация сотрудничества, Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС). В то же время участие Китая в более широких по региональному охвату организациях курируются другими подразделениями Министерства, причём часто функциональными, а не территориальными.

Так, например, за Форум «Азия – Европа» отвечает Департамент международных организаций и конференций (он же курирует ооновскую повестку), что подчёркивает большую политическую составляющую этого формата. Для сравнения инициативу «Один пояс, один путь», в том числе проведение Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», по линии МИДа курирует Департамент по международным экономическим делам, что, видимо, определяется преимущественно геоэкономическим, а не геополитическим характером инициативы.

Аналогичный Департамент Евразии создан в 2014 г. в Министерстве коммерции КНР. В его компетенцию входит развитие внешнеэкономических связей с постсоветскими странами (как и в МИДе, прибалтийские государства исключены), экономическое сотрудничество в рамках ШОС, продвижение инициативы «Один пояс, один путь», а также взаимодействие Китая с Евразийским экономическим союзом.

В Министерстве образования Отдел Евразии занимается образовательными обменов с Российской Федерацией и другими государствами СНГ.

Примечательно, что при огромных усилиях центральных властей по выстраиванию чётко работающей управленческой вертикали и оптимизации функций местных правительств, они по-прежнему имеют относительную свободу в выстраивании внешних связей. Подразделения с функционалом «узкой» евразийской (постсоветской) повестки, как правило, чаще встречаются в провинциях и автономных районах, непосредственно граничащих или близко расположенных к России и другим странам постсоветского пространства, или имеющих тесные связи с этими странами. В то же время, чем дальше на юг Китая, тем реже встречаются департаменты/отделы/управления Евразии, тем чаще функционально обязанности по связям со странами широкого евразийского пространства распределяются между структурными подразделениями, ориентированными на Европу или на Азию.

Ряд многосторонних форматов, включающих определение «евразийский», ориентирован на постсоветское пространство. В 2011 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе было создано Управление по делам международных ярмарок, которое регулярно организует в Урумчи Китайско-Евразийскую ярмарку (последний вариант официального названия на русском языке ЭКСПО «Китай – Евразия»). Основные клиенты выставки – компании из России

и Центральной Азии. С 2005 г. каждые два года в г. Сиань проходит Евразийский экономический форум, ориентированный в основном на страны шосовского пространства.

Ещё пример узкого понимания «Евразии» – название и тематика научного журнала «Евразийская экономика» (прежнее название «Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы»), издаваемого Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук. В целом же, в академической среде дискуссии о сути понятия Евразии идут достаточно активно, имеются попытки преодолеть консервативное восприятие евразийского региона как исключительно постсоветского.

Китайские академические дискуссии о Евразии

Углубление и конкретизация китайских представлений о евразийском регионе (пространстве) проявляется прежде всего в выдвигании китайскими авторами оригинальных идей и концепций, которые не являются лишь «улучшенной копией» зарубежных подходов. Примечательно, что к привычной для евразийской геополитики категории «пространства» в китайских построениях о прошлом и будущем Евразии, как правило, добавляется категории «времени». В этом, во-первых, видится освобождение от прежнего узкого и статичного взгляда (*Евразия – это постсоветский регион, родившийся в результате распада СССР, где сейчас доминирует Россия*). Во-вторых, добавление координаты времени является попыткой включения концепции Евразии в более широкий исторический (а иногда и культурно-цивилизационный) контекст.

«Евразийский феномен» или Россия-центричное пространство. Китай стремится понимать и осмысливать евразийский регион, преодолевая тот путь, которые прошли в своё время западные державы, но используя для этого новую логику и практику, предлагая новые способы классификации и толкования того, что китайский учёный Ху Цзянь назвал «евразийским феноменом» (欧亚现象) (Hu 2022). «Евразийский феномен не сводится исключительно к географической области Советского Союза — России, а охватывает весь Евразийский континент, существуя здесь на протяжении тысячелетий», — отмечает китайский исследователь (Hu 2022: 14–15). Автор указывает, что раньше академический интерес в Китае к Евразии был в значительной степени сосредоточен вокруг российской перспективы, анализировались в основном геополитические аспекты, связанные с российской политикой — от времён царской эпохи до СССР и настоящего времени. Как пишет учёный, «евразийский феномен» на стыке Европы и Азии — это явление более широкого масштаба, которое охватывает богатый мозаичный комплекс культур, этносов и религий, простирающийся за пределы России.

Другие исследователи, в частности Ло Ифу и Сюй Сюцзюнь подчёркивают, что «фактически это географический регион, сосредоточенный вокруг России, и его пространственные границы, структура интересов и характер управления изменяются в соответствии с изменениями в руководящей роли России в этом регионе» (Луо, Ху 2022: 105).

Примечательно, что китайские исследователи, склонные к восприятию Евразии как самостоятельного феномена, одновременно оказываются вынуждены ради учёта очевидных различий народов и стран на этом пространстве выделять различные субрегионы. Те же китайские исследователи, которые видят регион более Россия-центричным, воспринимают его более целостно, им не столь важно выделение субрегионов.

Однако для обоих этих подходов характерно подчёркивание конфликтного потенциала в Евразии. Ху Цзянь (2022), рассматривая рост турбулентности на евразийском пространстве в связи с украинским кризисом, пользуется «имперской» и «постимперской» парадигмами. В частности, он отмечает, что Россия сохраняет свою приверженность евразийскому имперскому менталитету, в то время как Украина пытается избавиться от страха «постимперского синдрома» в национальном сознании. Одновременно автор указывает, что военный конфликт между Россией и Грузией в 2008 г. невозможно объяснить лишь как наследие Холодной войны. Исторические корни противоречий и национальные амбиции Грузии также играют важную роль, и, как и в случае с кризисом на Украине, Ху Цзянь видит в событиях в Южной Осетии манифестацию «постимперского синдрома» (Ну 2022: 19).

Евразийский порядок: единство региона или фрагментация? В целом можно отметить, что китайские исследователи в последнее время, особенно на фоне обострения отношений России и Запада, все чаще говорят о «евразийском порядке», пытаясь проанализировать сложившуюся в регионе систему безопасности, с разных позиций оценивая динамику разворачивающихся в Евразии конфликтов. Профессор Ланьчжоуского университета Цзэн Сянхун (2019) применяет к ситуации в регионе «модель матрёшки», разработанную в своё время Рут Дейермонд для описания сложных отношений сотрудничества-соперничества глобальных и региональных игроков в Центральной Азии (Deyermond 2009).

«Модель матрёшки» подразумевает взаимодействие множества акторов — как государственных, так и негосударственных — на трех уровнях: национальном, региональном и глобальном, создавая сложную систему взаимосвязей и взаимовлияний. В центре анализа Цзэн Сянхуна — роль России и США как ключевых держав, определяющих региональный порядок в Евразии. Россия, обладая традиционным влиянием в регионе, признана академическим сообществом как региональный гегемон, в то время как США выступают как глобальная держава, стремящаяся расширить своё влияние. Цзэн специально подчёркивает,

что, несмотря на некоторые мнения об ослаблении России и снижении её роли в регионе, она по-прежнему остаётся значимой силой, формирующей евразийский порядок. Китайский учёный подробно рассматривает динамику взаимодействия между Россией и США, особенно на втором уровне «матрёшки», где Евразия становится ареной их регионального соперничества. При этом Центральная Азия выделяется относительной стабильностью по сравнению с более напряжёнными подрегионами Кавказа и восточного фланга Евразии, где западные силы активно конкурируют с Россией. Исходя из исторических связей и текущих интересов, евразийский регион, состоявший из бывших республик СССР, является сферой влияния и приоритетной областью интересов России. Цзэн Сяохун делает вывод, что в Евразии Россия становится государством статус-кво, а США – ревизионистской державой.

Конкуренция между Западом и Россией на глобальном и региональном уровнях обеспечила фон для возникновения кризиса на Украине. Когда обе стороны предоставляют существенную поддержку конкурирующим или противостоящим национальным акторам, появляется соревнование между двумя противоборствующими державами – Россией и США.

В связи с кризисом на Украине евразийский порядок стал явно антагонистичным, что привело к нарушению устойчивости «модели матрёшки». Когда внутри стран кавказского субрегиона или на Украине происходят события, влияющие на их развитие или касающиеся суверенитета и территориальной целостности, Запад и Россия активно вмешиваются и переносят свою глобальную конкуренцию на взаимодействие на региональном и национальном уровнях. По оценке Цзэн Сяохуна, это не только придаёт взаимодействию в регионе характер игры с нулевой суммой, но и приводит к формированию двухполюсной модели поведения в регионе и делает уязвимым обычно относительно устойчивый режим «матрёшки».

В Центральной Азии, — считает китайский учёный, — негосударственные акторы, которые часто стоят за «цветными революциями», либо слабы, либо их цели расфокусированы, и им не хватает способности объединиться с западными странами для вызова России. Хотя государства региона и могут рассматривать западные страны как противовес политике Москвы, они обычно отказываются идти по чёткому прозападному пути, в отличие от Грузии и Украины. В такой обстановке, даже если в этом субрегионе Евразии и возникают кризисы, центральноазиатские страны обычно приходят к согласию с Россией. Таким образом, несмотря на некоторые трудности или даже кризисы, а также поддержку протестных движений со стороны Запада, «модель матрёшки» в Центральной Азии сохраняет базовую стабильность благодаря отсутствию условий для продолжительной конфронтации между двумя глобальными державами.

Другие китайские учёные, давая общую характеристику механизма управления в Евразии, делают вывод о его малой эффективности и недостаточной институциональной основе. Как подчёркивает Гу Вэй (2023), разнообразные

формы конкуренции и сотрудничества между четырьмя сторонами (Китай, США, Россия и ЕС) оказывают множественное воздействие на порядок в Евразии, изменяют структуру сил в регионе, усиливают конкуренцию между региональными институтами, усугубляют поляризацию и фрагментацию региона. При этом для Китая первоочередной задачей является сохранение стабильности в Евразии, полагает этот исследователь.

Констатируя невозможность сотрудничества по управлению Евразией между США и ЕС, с одной стороны, и Россией, с другой, Ло Ифу и Сюй Сюэцзюнь (2022) отмечают, что взаимодействие между Китаем и Россией им представляется более реальной возможностью для прорыва в сложившейся ситуации по управлению евразийским регионом. По мнению учёных, с момента окончания Холодной войны в связи с уменьшением относительной региональной мощи России евразийское пространство постепенно фрагментируется и сокращается, паттерны взаимных интересов становятся более дифференцированными и сложными.

Тезис этих авторов о «сокращении» или «фрагментации» евразийского пространства разделяется многими китайскими учёными, которые по-прежнему видят основным фактором, формирующим регион, центристские тенденции, имеющие корни в истории СССР. Расставание с советским прошлым или снижение роли России как политикоформирующего центра рассматривается ими как конец евразийского региона. В статье «Евразия не может закончиться» китайский русист Ян Чэн (2022) оспаривает эту точку зрения. Прежде всего, автор отмечает, что как бывшая империя и супердержава времён Холодной войны, Россия обладает почти врождённой одержимостью геостратегическим пространством и всеми сопутствующими геополитическими концепциями. По оценке Ян Чэна, на протяжении большей части истории Россия считала себя «Евразией» в синонимичном смысле, стремясь построить «концентрические круги» безопасности с центром в России. Распад СССР и постсоветский транзит привёл лишь к реформированию пространственных отношений в евразийском регионе, но не снизил его значимость. Учёный уверен, что Москва не будет «воссоздавать СССР». Более вероятно, что страны Евразии, используя такие драйверы, как сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» и развитие ЕАЭС, смогут избавиться от судьбы периферийной зоны глобализации и получат новые возможности для роста. В конечном итоге это приведёт к появлению «евразийского момента», привлекающего внимание многих внешних сил и стимулирующего их взаимное соперничество (Yang 2022: 15).

Евразия в системе пространственно-временных координат. Оригинальная трактовка развития представлений о регионе с точки зрения пространства и времени предложена профессором Юань Цзянем (2023) из Центрального университета национальностей (г. Пекин). По мнению Юань Цзяня, критически важным направлением для китайских специалистов по Евразии и другим

регионам должен стать переход от «размышления о времени» к «размышлению о пространстве».

Для того чтобы верно понять, что пространство в данном случае — это не только геополитическое, но и когнитивное пространство, следует учесть, что Юань Цзянь не скрывает, что он заимствовал данный образ из первого тома классической работы американского синоведа Джозефа Ричмонда Левенсона (1920–1969) «Конфуцианский Китай и его современная судьба» (1968). В этом, к слову, мы видим типичный для китайской социальной науки и политической практики приём («чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн» – использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения). Примечательно, что в работе Дж. Левенсона не обсуждались никакие идеи регионализма или принципы пространственной политики. Трансформация «соображений времени» в «соображения пространства» относилась к тому, что считалось «критерием истины» среди соперничающих школ общественной мысли в традиционном Китае. Система координат «время – пространство» лишь служит выражением того, как критерий истинности знания изменился после широкого западного проникновения в Поднебесную в XIX в., особенно в результате опиумных войн.

До широкого прихода в Китай западных идей критерий «победы» в общественной дискуссии той или иной школы конфуцианской мысли состоял в представлении доказательств идеального соответствия традиции. Интеллектуальные дебаты часто сосредотачивались на доказательстве своей ортодоксальности, прямой связи с древней мудростью, при этом предпочтение безусловно отдавалось старому перед новым. В трактовке Левенсона это означало, что акцент делался на временном аспекте — то есть на том, насколько тесно и органично идея или школа мысли связаны с прошлым. Что же произошло после опиумных войн, и в чём виделся качественный скачок? Западные идеи, технологии и культура представляли собой резко отличающуюся альтернативу существующей китайской интеллектуальной традиции. Новая реальность была настолько убедительной (скорее даже – пугающей), что заставила китайские школы мысли пересмотреть свои споры и претензии друг к другу. Фокус сместился с аргументации о том, какое направление более тесно связано с древностью (время), на разрешение споров в рамках новой пространственной реальности — иностранного влияния, проникающего в китайское общество (пространство). Иными словами, для китайских интеллектуалов их миссия заключалась уже не только в доказательстве верности устойчивым национальным традициям, но и в решении проблемы влияния «иных» (западных) идей на китайское общество и культуру.

Вместо того чтобы сосредотачиваться только на исторической подлинности идей (время), интеллектуалам приходилось иметь дело с осязаемым присутствием другой цивилизации и её идей в собственном культурном и географическом контексте (пространство). Этот сдвиг к пространственным соображениям

отражает новый вызов: необходимость реагировать на глубокие и всеобъемлющие последствия открытости внешнему миру, искать выход из замкнутых национальных рамок, в которых определение истинности знания мыслилось лишь на основе исторического прецедента и лишь на собственной культурно-философской почве.

Таким образом, «время» и «пространство» использовались Дж. Левенсоном как метафоры, и именно в этом качестве были заимствованы китайским учёным при анализе евразийского пространства. Юань Цзянь таким довольно сложным интеллектуальным приёмом, видимо, попытался подчеркнуть, что сегодня вызовы перед китайской интеллектуальной элитой по глубине сравнимы с периодом внешнего открытия Китая в XIX в., хотя последствия нынешних бурных перемен диаметрально противоположны. Согласно официальной идеологии КПК, сейчас как раз происходит обратный процесс – не потеря Китая «самости», а наоборот – великое возрождение китайской нации, которое должно вернуть стране место, потерянное в период «столетнего унижения». Призыв в анализе Евразии перейти к «размышлениям о пространстве» как раз встраивается в этот контекст, ориентируя исследователей на пересмотр традиционных взглядов на евразийскую проблематику.

Подводя итог своим рассуждениям об изучении Евразии, Юань Цзянь констатирует изменения пространственных характеристик современного мира, подчёркивая, что китайское понимание внешней среды теперь не ограничивается «плоскостью». «В мире, – отмечает китайский учёный, – существуют различные “выступы” и “впадины”, способные повлиять на перспективу и глубину нашего понимания, что позволяет осознать несбалансированность и особенности, существующие внутри наших знаний о внешнем мире» (Yuan 2023: 49). В этом высказывании заметна не только полемика с глобалистским тезисом о «плоском мире» Томаса Фридмана, но и обеспокоенность тем, что китайские регионоведческие исследования отстают от темпов и растущих сложностей развития мировой системы. Выход видится в более смелом вторжении исследователей в «пространство» идей, отходе от консервативных схем, «переваривании» и критическом анализе евразийских концепций, проистекающих из разнообразных политических, философских и культурных традиций. Юань Цзянь подчёркивает активную роль Китая в этом процессе познания пространства (в отличие от пассивной роли непосредственно после опиумных войн). Сверхзадача видится в том, чтобы предложить некий целостный взгляд на Евразию, соответствующий интересам незападного мира. Как пишет Юань Цзянь, формируемая концепция «не будет подражать американскому или советскому стилю, а будет открытой, инклюзивной и устойчивой, олицетворяющей восточную мудрость, а также общие надежды и стремления третьего мира» (Yuan 2023: 56).

Взгляд на Евразию через призму истории. Заслуживающим внимания серьёзным исследованием, в котором сделана попытка рассмотреть вопрос о Евразии в более широком историческом контексте, является статья научного

сотрудника Шанхайской академии международных исследований Фэн Шуая «Евразийское пространство в мировой истории: истоки, формирование и упадок» (2019). Фэн Шуай начинает с ряда методических замечаний, подчёркивая, что любые изменения во власти и влиянии ключевых политических акторов всегда отражаются в пространственном измерении. С этой точки зрения, полагает он, история человечества — это история эволюции пространств. Учёный отмечает, что евразийское пространство как региональное отражение власти России формировало Россию и было сформировано Россией. Попутно Фэн Шуай делает интересное наблюдение о том, что неопределённость содержания и широкий спектр интерпретаций делают концепт Евразии полезным в политической практике, но в то же время приводят к многочисленным проблемам в более строгих научных исследованиях. «Когда мы говорим о “евразийском пространстве” или “евразийском порядке”, нам часто нужно сохранять некоторую неопределённость в отношении географического охвата, чтобы обсуждение могло проходить гладко. Однако такая неопределённость также объективно может ослабить строгость аргументации. Это противоречие также заставило многих исследователей избегать обсуждения данной темы», — справедливо констатирует учёный (Feng 2019: 31).

Эволюцию евразийского пространства автор прослеживает с периода Золотой Орды. Монгольское завоевание привело к значительному переустройству регионального политического ландшафта. Впервые в истории человечества широкие территории Евразийского континента были системно интегрированы в одну политическую структуру. Процесс объединения русских земель вокруг Москвы и свержение монгольского ига способствовали формированию единого Российского государства. За этим последовал период активного территориального расширения и централизации власти, что в итоге привело к созданию на пространствах Евразии мощной Российской империи. Как образно замечает автор, если период Монгольской империи стал эпохой, в которой евразийское пространство сформировало Россию, то ей на смену пришла эпоха, в которой Россия формировала евразийское пространство.

Несмотря на мощь этой политической структуры, каждое столкновение с морским порядком показывало относительную слабость евразийского пространства. В начале XX в., отмечает Фэн Шуай, конструкция континентальной империи, лежащей в основе евразийского пространства, уже находилась в заключительной стадии своего политического жизненного цикла.

Дальнейшая трансформация Евразии в изложении китайского учёного выглядит следующим образом. В 1917 г. Российская империя развалилась, и созданное под её руководством евразийское пространство столкнулось с первым кризисом с момента своего образования. Подъём мирового национализма XX в. полностью разрушил политическую и моральную легитимность империи, на которой держалась система основных институтов евразийского пространства. Когда в 1918 г. началась Гражданская война в России, мало кто верил,

что большевики смогут сохранить существующее евразийское пространство. С начала 1920-х гг. новому советскому режиму пришлось решить множество проблем для обеспечения стабильности евразийского пространства, среди которых ключевым было то, как после распада Российской империи определить новое содержание евразийского порядка. В реальной политической структуре нового советского режима не был сохранен топоним «Россия» в имени государства, который имел чётко выраженный этнический характер, использовался сотни лет, вместо этого была создана специальная структура «Союз Советских Социалистических Республик». В идеальном случае СССР не имел определённых границ, его пространство могло бесконечно расширяться вместе с распространением социалистического строя. Победа СССР во Второй мировой войне привела к тому, что евразийское пространство, долгое время являвшееся одним из «отраслевых филиалов» современной мировой системы, впервые самостоятельно предложило региональную теорию порядка с глобальным влиянием. При этом континентальный порядок впервые приобрёл потенциал стать мировым порядком. С 40-х гг. XX в., границы евразийского пространства получили самое крупномасштабное расширение в истории. Это, по мнению Фэн Шуая, заключалось не только в присоединении прибалтийских государств, но и в том, что страны Восточной Европы и некоторые азиатские страны стали следовать политической и экономической модели СССР. Более того, многие новые независимые государства в Азии и Африке, исходя из желания следовать примеру СССР, активно выбирали советский порядок, фактически становясь частью евразийского пространства. Однако с углублением Холодной войны стали проявляться внутренние противоречия в плановой экономической системе. По мере развёртывания новой технологической революции во второй половине XX в. экономика Советского Союза быстро отстала в конкурентной борьбе. Само существование единой формальной структуры пространства становилось всё более трудным. Когда центробежные силы, наконец, превысили возможности советской власти, евразийское пространство наконец развалилось.

Здесь любопытен тезис о том, что некоторое время (период великой дружбы 1950-х гг.) Китай был частью евразийского пространства точно так же, как он был частью Евразии в период монгольской колонизации. Как замечает Фэн Шуай, фактически, процесс распада евразийского пространства начался ещё в 1960-е гг. в связи с противоречиями между Китаем и СССР по вопросам развития социалистического лагеря, при этом после 1960-х гг. восточные внешние области евразийского пространства стали менее стабильными. Результаты конкуренции с морским порядком показали, что порядок в евразийском пространстве, основанный на модели СССР, имеет серьёзные внутренние проблемы. Выявилось, что он не только не в состоянии стать мировым порядком, но и не может обеспечить долгосрочную стабильность в евразийском пространстве. В этом Фэн Шуай видит второй кризис евразийского пространства, первым было крушение Российской империи. Последствия второго кризиса более

глубоки, поскольку после распада Советского Союза ядро евразийского пространства на протяжении веков находилось в едином политическом субъекте, впервые разделилось на несколько государств. На западной границе евразийского пространства после Холодной войны прибалтийские страны и страны Восточной Европы полностью пересмотрели свою региональную идентичность, чтобы интегрироваться в западноевропейское пространство, основанное на Европейском союзе. На восточной границе евразийского пространства, помимо смены идентичности Китая, Вьетнам и другие страны ЮВА скорректировали свои идентичности, став важными участниками быстро интегрирующегося азиатско-тихоокеанского пространства.

Фэн Шуай видит в пространственной трансформации одну из главных причин эскалации конфликтов. Из-за слишком быстрого темпа изменений в региональном пространстве возникли серьёзные противоречия на периферийных зонах пересечения двух пространств. Вооружённые конфликты в Грузии и на востоке Украины, с его точки зрения, фактически вызваны изменениями в пространственной структуре. Это, как считает китайский автор, является частью более общей глобальной тенденции: конкуренция между региональными порядками в мире становится более острой, и приобретение преимуществ в пространстве через конкуренцию порядков становится важным способом расширения политического влияния.

В то время как механизмы, обеспечивавшие частичное сохранение евразийского пространства после распада СССР, постепенно перестали работать, окно времени для реконструкции евразийского пространства становится всё более узким, полагает Фэн Шуай.

Пессимистично автор оценивает перспективу сохранения государств Центральной Азии в российской орбите. Процесс национального строительства в регионе делает дальнейшее существование евразийского пространства рискованным. Независимо от того, ускорится ли процесс внутренней интеграции, образуется ли внутренний региональный порядок или государства ЦА выберут другой путь внешнего развития, изменение региональной идентичности будет означать отделение стран Центральной Азии от евразийского пространства, то есть произойдёт потеря одной из ключевых частей Евразии. Фактически, по мнению Фэн Шуая, это региональное пространство лишится смысла.

На сегодняшний день второй кризис евразийского пространства продолжается, и Россия пока не нашла эффективного решения проблемы. Фэн Шуай также полагает, что, если в евразийском пространстве не будет обеспечен рациональный и эффективный порядок, поддерживающий его ядро, через несколько десятилетий мы можем столкнуться с новым системным пересмотром пространства на евразийском континенте. Уже сейчас, как отмечает автор, в условиях длительного отсутствия новой архитектуры Евразии, другие региональные пространства оказывают давление на евразийское пространство, и его периферийные области продолжают сокращаться.

Фактически у России, по мнению китайского исследователя, есть только два возможных сценария: (1) консервативный, который заключается в том, чтобы максимально замедлить скорость действия всех негативных факторов, усилив стабильность ядерных областей Евразийского пространства, чтобы дать время на поиск более разумного пространственного порядка и институтов; (2) реформаторский, который состоит в том, чтобы полностью пересмотреть взгляды на евразийское пространство, попытаться привлечь больше внешних порядков и элементов, стимулировать участие евразийского пространства в более широком процессе интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это переопределяет российскую идентичность и интересы в сложном процессе реконструкции пространства и потребует системных реформ.

Наиболее интересным является последний раздел статьи, посвящённый позиционированию Китая в отношении Евразии. Представляется, что широкий и основательный исторический экскурс был необходим автору именно для того, чтобы сделать вывод, а собственно, что значит евразийское пространство для Китая. Прежде всего, Фэн Шуай повторяет трактовку монгольского периода, в течение которого Китай (не добровольно, что подчёркивается специально) находился на восточном фланге евразийского пространства. Здесь важны два принципиальных момента, отмеченные автором: во-первых, положительная роль Китая в формировании и развитии торговой сети внутри евразийского пространства (что является явной отсылкой к современной инициативе «Пояса и пути»), и, во-вторых, в соответствии с тезисом официальной историографии о непрерывном существовании и устойчивости китайской цивилизации, Фэн Шуай пишет, что краткий период вхождения в евразийское пространство не изменил характеристики и траекторию развития самого Китая. Дальнейшее развитие Поднебесной связано уже с установлением стабильного порядка в Восточной Азии. Нашлись «добрые слова» и для последней маньчжурской династии Цин. В период Российской империи Китай, уже находящийся в составе китайской династии Цин, стал основной силой, препятствующей восточному расширению Евразийского пространства, пишет Фэн Шуай. Любопытно, что в качестве примера этой тенденции автор называет «возвращение Синьцзяна» на фоне «аннексии Россией в XIX в. среднеазиатских ханств». Ликвидация Якуббека и эффективный контроль над областью к востоку от Или не только «защитила суверенитет и территориальную целостность страны», но и определило «границы между евразийским пространством и восточноазиатским пространством, что имело глубокое влияние на будущую траекторию азиатской истории» (Feng 2019: 66).

Вхождение Китая в евразийское пространство во время периода китайско-советской дружбы автор не считает навязанным, отмечая, что континентальный порядок, представленный советской моделью, в тот момент считался быстрым способом превращения страны в современное государство. Между тем со временем взгляды на региональный порядок и политические интересы Москвы

и Пекина стали несовместимыми. В результате Китай перестал быть связанным рамками евразийского порядка и начал искать собственный путь развития. Автор считает, что этот политический выбор Пекина ухудшил положение континентального порядка в соревновании двух лагерей Холодной войны, что фактически ускорило процесс разложения евразийского пространства.

Большую часть истории Китай был важным внешним фактором в развитии евразийского пространства, его влияние иногда проявлялось в ограничении расширения евразийского пространства, а иногда — в формировании внутреннего порядка евразийского пространства. При этом ключевой чертой китайской политики стал прагматизм. Как отмечает Фэн Шуай, после вхождения в современную международную систему Китай постоянно искал наиболее подходящий порядок, который соответствовал бы его стремлению к модернизации и был бы выгоден для развития страны, занимая открытую и прагматичную позицию по отношению ко всем возможным региональным порядкам (Feng 2019: 68). Что касается современного периода, то, как и многие китайские авторы, Фэн Шуай считает, что Китай больше не является частью евразийского пространства, однако экономические, политические и культурные связи Китая со странами региона становятся более активными. Как полагают многие китайские эксперты, вовлечённость Китая в регион станет одним из важных факторов, влияющих на будущие изменения в Евразии. При этом значение региона для внешней политики КНР заключается в том, что это «ключевое пространство для геополитической конкуренции и геоэкономической игры в XXI в., это зона ожесточённой борьбы между основными международными силами, а также важный стержень стабильности мирового порядка» (He 2023: 102).

Поиск собственного взгляда на Евразию. Аналогично сменяющим друг друга императорским династиям, каждая из которой в начале правления писала исторические хроники предшественников, новый китайский взгляд на Евразию начинается с создания обновлённой «концептуальной хроники» региона и переоценке старых взглядов на пространство, в результате чего в идеале и должна быть задана идеологически правильная система координат, соответствующая интересам Китая в «новую эпоху». Процесс этот не завершён, однако, судя по активности дискуссий, вопрос о позиционировании Китая в Евразии, становится одним из ключевых в современной китайской науке о международных отношениях. Как подчёркивает Юань Цзянь, в новом контексте региональных исследований необходимо более явно представить субъектность и оригинальность Китая (Yuan 2023: 55). Жэнь Цзяньтао (2023), в свою очередь, призывает использовать «Китай как метод» для анализа глобальных трансформаций, при этом данная точка отсчёта не выглядит националистической, поскольку сам Китай — это часть меняющейся мировой системы. Из-за западоцентризма эта перспектива в своё время была упущена, теперь в эпоху «перемен, невиданных за

столетие» данный крен необходимо выправить, пытаться найти в меняющемся контексте «неизменное в изменчивом» во взаимодействии Китая с миром (Ren 2023: 97).

Состоящее из двух иероглифов китайское слово «Евразия» («Оу-Я») является калькой с европейских языков, при этом на первом месте (как и в оригинале) стоит Европа (иероглиф 欧 «Оу»), а на втором – Азия (иероглиф 亚 «Я»). Заметным явлением последнего времени стало то обстоятельство, что сначала в академических публикациях, а потом и в официальном политическом дискурсе появился «зеркальный» термин («Я-Оу»), в котором на первое место поставлена Азия. В результате получается не Евро-Азиатский континент, а Азиатско-Европейский.

Оба термина часто используются параллельно, но вызывает интерес, что термин с акцентом на первенство Азии начинает всё чаще встречаться в речах и статьях китайских руководителей. Например, 4 ноября 2014 г. на заседании Руководящей рабочей группы ЦК КПК по финансам и экономике Си Цзиньпин при обсуждении ОПОП говорил о Евро-Азиатском континенте⁵. Однако менее чем через пять лет, 26 апреля 2019 г., в выступлении на церемонии открытия II Форума международного сотрудничества в рамках «Пояса и пути» китайский лидер отметил: «От Азиатско-Европейского континента до Африки, Америки и Океании, совместное строительство “Пояса и пути” открыло новое пространство для роста мировой экономики, создало новую платформу для международной торговли и инвестиционной деятельности, расширило новую практическую деятельность по совершенствованию глобального экономического управления, внесло новый вклад в увеличение благосостояния народов различных стран»⁶.

Термин «Я-Оу» широко используется китайскими диппредставительствами, особенно в странах Евросоюза. Вероятно, это в какой-то степени отражает стремление Пекина, особенно в отношениях с ЕС, выступать с полностью самостоятельной, отличной от российской евразийской, повесткой, вне концептуальных рамок российской идеи «Большой Евразии». Ещё одним объяснением может быть желание придать больший вес Азии, которая вместе с Китаем является локомотивом мирового экономического роста. Такое объяснение можно услышать в академической среде. Как отмечает Вань Цинсун (2016), в настоящее время китайские учёные склонны использовать термин «Азия-Европа», чтобы подчеркнуть растущее положение азиатского региона среди цивилизаций мира. Возможно, в выборе зеркального термина содержится стремление избавиться-

⁵ Xi Jinping: Accelerate the construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. [习近平：加快推进丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路建设]. 2014. *Zhongguo gongchandang xinwenwang*. 07.11.2014 URL:<http://cpc.people.com.cn/n/2014/1107/c64094-25990858.html> (accessed 05.03.2024). (In Chinese).

⁶ Xi Jinping's Keynote Speech at the Opening Ceremony of the Second Belt and Road Forum for International Cooperation (Full Text) [习近平在第二届“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的主旨演讲 (全文)]. 2019. *Xinhua*. 26.04.2019. URL:http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-04/26/c_11244201UR87.htm (accessed 05.03.2024). (In Chinese).

ся от «колониального» или «ориенталистского» привкуса в термине Евразия. В любом случае подобные терминологические новации должны внимательно отслеживаться, поскольку они отражают сложный процесс самоидентификации растущего Китая, формирования собственного взгляда на Евразию.

Заключение

Как правило, внимание исследователей сосредоточено непосредственно на феномене «подъёма» – будь то экономический, военный, либо рост возможностей китайской «мягкой силы» и т. д. Между тем у такого анализа, даже самого добросовестного, имеются и неизбежные слабости – вектор роста «китайской мощи» в сознании исследователей нередко отрывается от самоидентификации самого Китая, от того центра, откуда проецируется возросшая сила (а это существенно влияет на характеристики самой силы). И, помимо этого, происходит разрыв с пространством, в котором действует Китай.

Подобно трансферам глобальной власти минувших эпох, Китай «растёт» не только в рамках национальных границ, но этот рост, безусловно, не повторяет в деталях экспансию прежних претендентов на мировое лидерство, поскольку происходит в совершенно новых условиях международной среды, и ориентируется на иную исторически-цивилизационную основу, которая в решающей степени определяет китайский взгляд на мир. Китай не заимствует и сложившиеся у других мировых игроков пространственные концепты.

В Китае закладываются фундаментальные основы для трансформации его политики. И важной частью этого процесса является формирование самостоятельной системы взглядов на эволюцию миропорядка, собственных концептуальных подходов к глобальным и региональным проблемам. Это в полной мере относится и к евразийскому направлению китайской политической и академической мысли.

Действуя всё более активно на пространствах Евразии и реализуя многочисленные инфраструктурные проекты, Китай опровергает расхожее представление о наличии стратегических расчётов на десятилетия вперёд, проявляет неуверенность в объяснении своих планов и своего поведения – и для себя, и особенно для мира. Заметны неопределённость и туманность концепций, стремление избежать конкретных ответов, спрятавшись за чрезвычайно общие формулировки вроде «сообщества единой судьбы». Последний концепт, как и Поднебесная (*Тянься*), в традиционной китайской интерпретации включает всё, при том, что аналитически такую формулу препарировать практически невозможно.

Политика КНР в Евразии пока не получила целостного и подробного объяснения в официальных документах. Вопрос – считает ли себя Китай евроазиатской страной – далеко не праздный, но он, по крайней мере на официальном

уровне, чёткого ответа пока не получил. Такой ответ сложен и с цивилизационной точки зрения, да и в целом идентификация Китая как чего-то особенного, находящегося в центре, имеет глубокие исторические корни, и поведение Китая в современном мире продолжает определяться двойной идентичностью «национального государства» в чётко определённых границах на Евразийском континенте и «государства-цивилизации», которое границ не имеет.

Китай своим нынешним поведением опровергает и деление на морские и континентальные державы. За пределы этой консервативной рамки традиционной геополитики Китай выходит, с одной стороны, развивая масштабные континентальные проекты, с другой, – демонстрируя свои амбиции в Мировом океане. С этой точки зрения Китай мыслит себя как самостоятельный игрок, для которого необязательно прямо и открыто выражать своё отношение к такому «узкому» с точки зрения идеологии Поднебесной понятию «Евразия», корни которого кроются как раз в подходах и концепциях традиционной геополитики.

Как следует из нашего анализа, активное изучение особенностей формирования евразийского порядка и его потенциального влияния на международное положение Китая отражает стремление страны к переопределению своей роли и идентичности на глобальной арене. Процесс этот безусловно далёк от завершения, но может ускориться, поскольку Китаю приходится искать ответ на «невиданные за столетие перемены». Авторы настоящей статьи приходят к выводу, что текущие академические дебаты в Китае, характеризующиеся значительным разнообразием мнений, в перспективе могут послужить основой для разработки китайской концепции евразийского пространства.

Об авторах:

Игорь Евгеньевич Денисов – старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Иван Алексеевич Сафранчук – ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: i.safanchuk@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

UDC: 327(510+4/5):32(510):316.77
Received: March 10, 2024
Accepted: June 15, 2024

The Eurasian Space in Chinese Official and Academic Discourses

 I.E. Denisov, I.A. Safranchuk
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-73-99](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-73-99)

MGIMO University, Russia

Abstract: The «Belt and Road Initiative» (BRI), proposed by China, marked a new phase in its external openness and growing desire to influence regional and global processes. However, BRI should not be viewed solely as a Chinese blueprint for restructuring Eurasia. The broad interpretative and geographical scope set by Chinese authorities allows flexibility in adapting the initiative to specific regions and countries, which is strategic for modifying or withdrawing commitments as needed. This paper examines why BRI has not become the foundation for a Chinese concept of Eurasia despite its significant impact on regional geopolitics.

Our analysis begins with a critical examination of President Xi Jinping's speech at Nazarbayev University in 2013, identifying the nuanced usage of «Eurasia» that primarily refers to the post-Soviet space rather than the entire Eurasian continent. We delve into the subsequent official documents, noting the delay and ambiguity in defining the geographical and conceptual boundaries of BRI. The 2015 document, "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road," illustrates the initiative's extensive and vague geographical scope, indicating that China did not initially aim for a broad Eurasian strategy.

By employing Critical Discourse Analysis (CDA), we uncover how China's official rhetoric strategically frames BRI. The analysis reveals that Chinese discourse emphasizes bilateral rather than multilateral engagements within Eurasia, reflecting a «point-to-point» rather than a networked approach. This strategic ambiguity allows China to navigate its relationships with key regional players, notably Russia and the Central Asian states, without committing to a comprehensive Eurasian integration framework.

The findings highlight the cautious and adaptive nature of China's engagement with Eurasia. The shift from a regional to a global scope in BRI discourse underscores China's pragmatic approach in balancing its regional ambitions with global aspirations.

Keywords: China, Eurasia, PRC foreign policy, spatial concepts, Eurasian order, Eurasian space, academic discussions, "Belt and Road", post-Soviet space

About the authors:

Igor E. Denisov – Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Ivan A. Safranchuk – Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The research is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

References:

- Baik J. 2019. "One Belt One Road" and the Geopolitics of Empire. *InterAsia Cultural Studies*. 20(3). P. 358–376. DOI: 10.1080/14649373.2019.1649013
- Callahan W. 2016. China's Belt and Road Initiative and the New Eurasian Order. *Policy Brief. Norwegian Institute for International Affairs*. №22. 4 p.
- Deyermund R. 2009. Matrioshka hegemony? Multi-levelled Hegemonic Competition and Security in Post-Soviet Central Asia. *Review of International Studies*. 35(1). P. 151–173. DOI: 10.1017/S0260210509008365
- Harper T. 2019. China's Eurasia: The Belt and Road Initiative and the Creation of a New Eurasian Power. *The Chinese Journal of Global Governance*. 5(2). P. 99–121. DOI: 10.1163/23525207-12340039
- Fairclough N. 2013. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Routledge. 608 p. DOI: 10.4324/9781315834368
- Kuhn T.S. 1996. *The Structure of Scientific Revolutions*. 3rd ed. Chicago and London: The University of Chicago Press. 212 p.
- Levenson J. 1968. *Confucian China and its Modern Fate A TRILOGY. Volume one: The Problem of Intellectual Continuity*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 218 p.
- Mastro O. 2014. Why Chinese Assertiveness is Here to Stay. *The Washington Quarterly* 37(4). P. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161
- Miura K. 2023. Strongman Politics and China's Foreign Policy Actors: Maritime Assertiveness under Xi Jinping. *International Affairs*. 99(5). P. 2101–2118. DOI:10.1093/ia/iaad178
- Novikov D., Bocharova A. 2024. Eurasia in Russian and Chinese Political Expertise: A Comparative Analysis. *Journal of Eurasian Studies*. 15(1). P. 55–69. DOI: 10.1177/18793665231163888
- Scobell A., Harold S. W. 2013. An "Assertive" China? Insights from Interviews. *Asian Security*. 9(2). P. 111–131. DOI: 10.1080/14799855.2013.795549
- Stevens F. 2014. What Happened to Deng's Maxim "Tao Guang Yang Hui"? *Atlantisch Perspectief*. 38(2). P. 24–28.
- Yang C. 2015. The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of Great Power Strategies for Regional Integration. In Dutkiewicz P. and Sakwa R. (eds.). *Eurasian Integration – The View from Within*. P. 274–289. Abingdon and New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315738154
- Feng S. 2019. Eurasian Space in World History—Origins, Construction and Decay [世界历史中的欧亚空间—源起、建构与衰朽]. *Russian Studies*. 219(5). P. 28–72. (In Chinese).
- Gu W. 2023. Differentiated Competition and Cooperation between China, the US, Russia and the EU in Eurasia and Its Impact [中美俄欧在欧亚地区的差异化竞合及其影响]. *Academic Journal of Russian Studies*. 13(2). P. 37–59. (In Chinese).
- He Z. 2023. The Adjustment of EU's Regional View in the Context of the Ukraine Crisis and Its Impact on the Eurasian Order [乌克兰危机背景下欧盟区域观调整及对欧亚秩序的影响]. *Russian, Central Asian & East European Studies*. №2. P. 102–121, 157. DOI: 10.20018/j.cnki.ree-cas.2023.02.006 (In Chinese).

Hu J. 2022. Time and Space of the "Eurasian Phenomenon" ["欧亚现象"的时间与空间]. *Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition)*. №4. P. 14–24. (In Chinese).

Luo Y., Xu X. 2022. Eurasia in the Post-Cold War Era: Interest Restructuring and Governance Challenges ["后冷战"时代欧亚大陆空间：利益重组与治理挑战]. *Area Studies and Global Development*. №6. P. 85–106, 157–158. (In Chinese).

Ren J. 2023. Change of Coordinates: A Compound Understanding of "Great Changes Unseen in a Century" [变动坐标：“百年未有之大变局”的复式理解]. *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. 31(2). P. 97–111. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2023.02.007 (In Chinese).

Wan Q. 2016. The Eurasian Moment in Great Power Politics: The Evolution and Implications of "Eurasia" Perception from a Geopolitical Economic Perspective [大国政治的欧亚时刻——地缘政治经济视域下“欧亚”认知的演进及其寓意]. *Russian Studies*. 197(1). P. 3–52. (In Chinese).

Yang C. 2022. "Eurasia" Will Not Come to an End ["欧亚"不会走向终结]. *World Affairs*. №14. P. 13–15. (In Chinese).

Yuan J. 2023. "Thinking Space" and the Boundary Zone of Civilizations. A Humanistic – Frontier Perspective in Regional and Country Studies ["思考空间"与文明交界带——区域国别研究的人文—边疆视角]. *Thinking*. 49(2). P. 49–56. (In Chinese).

Zeng X. 2019. The Matrioshka Order in Eurasia: Regional Differentiation and Its Influences [欧亚秩序的套娃模式:地区分化及其影响]. *World Economics and Politics*. №5. P. 22–52, 156–157. (In Chinese).

Adamova D.L., Denisov I.E. 2022. Period strategicheskikh vozmozhnostei: opyt kitaiskogo forsaita i perspektivy vneshnei politiki Pekina ["Period of Strategic Opportunities": the Chinese Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Perspectives]. *Orientalistica*. 5(4). P. 839–856. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856 (In Russian).

Bordachev T.V., Pyatachkova A.S. 2018. Kontseptsiya Bol'shoi Evrazii v povorote Rossii na Vostok [The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East]. *International Organisations Research Journal*. 13(3). P. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02 (In Russian).

Busygina I. et al. 2020. Modeli regional'nogo liderstva v Evrazii: k novoi issledovatel'skoi povestke. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Models of Regional Leadership in Eurasia: To the New Research Agenda]. *World Economy and International Relations*. 64(11). P. 114–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123 (In Russian).

Guan G., Dai V. 2018. "Evraziya" v osmyslenii kitaiskikh politikov i uchenykh ["Eurasia" in the Understanding of Chinese Politicians and Scholars]. *The Great Game: Politics, Business, and Security in Central Asia*. №3–4. P. 42–48. (In Russian).

Lukin A.V. 2020. Rossiya i Kitai v Bol'shoi Evrazii [Russia and China in Greater Eurasia]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 46–59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04 (In Russian).

Makarov I.A., Sokolova A.K. 2016. Sopryazhenie evraziiskoi integratsii i Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlya Rossii [Coordination of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia]. *International Organisations Research Journal*. 11(2). P. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Адамова Д.Л., Денисов И.Е. 2022. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина. *Ориенталистика*. 5(4). С. 839–856. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856

Бордачёв Т.В., Пятачкова А.С. 2018. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций*. 13(3). С. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02

Бусыгина И. и др. 2020. Модели регионального лидерства в Евразии: к новой исследовательской повестке. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(11). С. 114–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123

Гуань Г., Дай В. 2018. «Евразия» в осмыслении китайских политиков и учёных. *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. №3–4. С. 42–48.

Лукин А.В. 2020. Россия и Китай в Большой Евразии. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 46–59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04

Макаров И.А., Соколова А.К. 2016. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шёлкового пути: возможности для России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 11(2). С. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40